

ЭЛИТЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ВКЛАД УКРАИНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ВОЙНУ ПРОТИВ РОССИИ¹

В.А. Ачкасов

val-achkasov@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ачкасов В.А. Вклад украинских интеллектуалов в информационную войну против России // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 172–184

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.7>

Аннотация. *Анализируется дискурс украинской, по преимуществу гуманитарной интеллигенции начала XXI в. Автор использует цитаты из публикаций украинских авторов только первого десятилетия нового столетия, чтобы продемонстрировать: интеллектуальная деятельность по производству и воспроизводству этноцентрических стереотипов и созданию особой этноцентричной черно-белой картины мира и формированию образа врага осуществляется на Украине систематически уже не менее тридцати лет. Такая деятельность может быть описана как идеологическое производство конфликтов, поскольку она легитимировала тотальное отчуждение от России и провоцировала межэтническую вражду внутри Украины. Без внешнего предписания (осуществляемого украинскими политиками и интеллектуалами) достичь этих целей было бы невозможно.*

Ключевые слова: *интеллектуалы, Украина, националистический дискурс, конфликты, политика идентичности, образ врага.*

Одна из важнейших целей информационной войны — изменение массового сознания в нужном для правящих элит направлении посредством исторической политики и политики идентичности. В реализации этой цели интеллектуалы играют ключевую роль, потому что, во-первых, «интеллектуалы и интеллигенция — это единственный слой общества,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00360

сохраняющий неизменный интерес к самой идее нации и способный привлечь другие классы к идее национальной солидарности в борьбе за независимость» [Смит 2004: 115]; во-вторых, они обладают доступом к наиболее влиятельным формам публичного дискурса (и зачастую контролем над ними), в частности к дискурсам массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. А это значит, что они обладают доступом к сознанию масс.

«Будучи идеологическими лидерами общества, они, как отдельные представители, так и значимые фигуры доминирующих институтов общества, устанавливают общие ценности, цели и приоритеты; они формулируют практические принципы и консенсус», — отмечает Тён ван Дейк [Дейк 2013: 134]. Участие интеллектуалов — «хозяев дискурса» — в производстве политики идентичности и «исторической политики», как правило, носит опосредованный характер. Воздействуя на массовое сознание через СМИ и на дискурс политической элиты через институты политического консультирования, они способны как уменьшить, так и резко увеличить конфликтный потенциал в межэтнических и межгосударственных отношениях. При этом общая повествовательная конструкция, представляющая как прошлое, так, впрочем, и настоящее каждого социума, всегда служит интересам политической элиты и призвана способствовать реализации ее политических задач. Поэтому, в частности, столкновения по поводу исторических нарративов очень часто происходят не для выяснения исторических истин, всестороннего и объективного описания событий прошлого, а являются борьбой за политическое господство посредством символического господства того или иного толкования «национальной истории».

В свою очередь, идентификация нации с народом, понимаемым как издревле существующий, закрытый, неделимый коллективный этнокультурный организм с собственным укладом, ценностями и языком, имеющий уникальную героическую или трагическую историю, служит оправданием для отвержения «чуждых» примеров и культурных образцов. Предвзятое противопоставление образа своей нации/народа референтным общностям находит выражение в формировании образа внешнего и внутреннего врага, которыми практически для всех постсоветских наций служат Россия и русские. Социально-психологической движущей силой такой трансформации является ресентимент — глубинная экзистенциальная зависть и чувство национальной неполноцен-

ности, которые интеллектуальная элита этих новых наций испытывает к референтному обществу — России. На Украине этот психологический комплекс находит выражение в навязчивой одержимости установления различий там, где на самом деле общего на порядок больше, чем различий (так, утверждается, что «Россия не имеет никаких исторических точек соприкосновения с Украиной»), в декларировании генетического превосходства украинцев над русскими. Так, известный украинский писатель Юрий Андрухович заявляет: «Нас отличает категорическое нежелание жить в рабстве. Украинцы лучше пойдут в партизаны, чем будут мириться с произволом самодержца. Россиянам же, наоборот, нужен тиран, который бы держал их в узде и не давал шалить. Мне кажется, что мы с разных планет» и т.д. (см.: [Андрухович 2015]).

Националисты-диссиденты еще в советский период выработали своеобразное дуалистическое миропонимание, в соответствии с которым империя и все с ней связанное представляют собой исключительно силы зла и угнетения, а сами националистические движения — силы добра и свободы. Этот дуализм стал затем характерной особенностью политического дискурса элит практически всех постсоветских государств. «Было бы удивительно, — считает В.С. Малахов, — если бы новые суверены не воспользовались возможностью вписаться (в дискурс “постколониализма”) и представить свое нахождение внутри Российской империи и Советского Союза как пребывание в “тюрьме народов”» [Малахов 2014: 26]. Поэтому история Украины и почти всех посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы в современном нарративе выглядит как своеобразное перманентное «бегство от России».

После обретения независимости на Украине опубликовано немало исследований по истории Украины и украинского языка, в которых украинцы предстают как уникальная культурная и антропологическая общность, не имеющая практически ничего общего с русскими, с незапамятных времен борющаяся за национальную независимость. В результате все усилия по формированию национального самосознания на Украине строятся на принципах языковой, культурной и этнической эксклюзивности и превосходства «титulyного народа», уникальности его исторических свершений и особенно страданий (Голодомор 1930-х как геноцид украинского народа и др.)¹, а также на поиске причин всех

¹ Алейда Ассман отмечает, что после осуждения Холокоста, «тема страданий <...> приобрела, с инверсией героического в травматическое, позитивную

сегодняшних трудностей в прошлом и вне украинской этнонации. Как отмечают российские исследователи, целью разработанного украинскими интеллектуалами «постколониального проекта» была, во-первых, ликвидация на Украине «российского имперского дискурса» и, во-вторых, «освобождение от советчины», т.е. оказание средствами культуры помощи украинцам в осознании того, что вина и ответственность за советский тоталитаризм лежит не на них, поскольку украинская нация никогда не воспроизводила в себе черты патологического антропологического типа *homo soveticus*, характерного для российских имперских колонизаторов [Жеребкина, Жеребкин 2019: 137, 139]. При этом националистический дискурс опирается на приписывание России априорных мотивов злого умысла, враждебности, разрушения, растления, «геноцида» и т.д., придавая значение доказательных фактов вырванным из контекста событиям и явлениям. Поэтому постоянно утверждается, что именно русские «всегда разрывали украинскую землю, уничтожали культурные ценности, литературу, переписывали украинскую историю, уничижали все то, что так дорого каждому украинцу» [Вивчарик 2004: 222].

В то же время украинская нация рассматривается в элитном дискурсе как культурно однородное, целостное социальное образование, в котором некий коллективный интерес по определению должен доминировать над индивидуальными интересами. Личности или группы, которые не «растворяются» в нации и пытаются свободно выбирать альтернативные политические и культурные ценности, оцениваются как девиантные. Стремясь выдать свою точку зрения за доминирующую в общественном мнении, либеральные украинские интеллектуалы маргинализировали и принижали несогласных с ними соотечественников во имя достижения исторического «прогресса» — европеизации Украины. Осуществляя структурирование политической логики в терминах бинарной оппозиции «мы — они» они уничтожали общее для граждан страны символическое пространство и тем самым создавали предпосылки для массовой националистической мобилизации. При этом, как резонно замечает Н. Карпентьер, «дихотомия, определяющая врага и себя, не является нейтральной, а создает иерархию,

культурную ценность и высокий социальный статус, на который усиленно претендуют как индивидуумы, так и коллективы», и пишет в связи с этим о «виктимологической политике идентичности» [Ассман 2014: 83, 80].

в которой врага всегда позиционируют ниже себя, а себя выше врага» [Carpentier 2017: 172].

Уже первое правительство независимой Украины под руководством Л. Кравчука в условиях глубокого экономического кризиса пыталось контролировать социально-политическую ситуацию посредством создания новой системы ценностей с опорой на украинский этнический национализм как конструктивную силу, дополненную тропом «российской угрозы» вновь обретенной украинской независимости [Wilson 1997: 111]. Правда, справедливости ради следует заметить, что первый (Л. Кравчук), и второй (Л. Кучма) президенты Украины проводили политику постепенной, достаточно осторожной украинизации не только государственного аппарата, но и системы образования и медийного пространства. Однако после «оранжевой революции» 2004 г. и особенно Евромайдана 2013–2014 гг. эта политика стала проводиться чрезвычайно активно, с использованием всей мощи государства. Некоторые отступления от этой политики иногда происходили под давлением международных организаций или России, однако чаще такое давление приводило к прямо противоположным результатам.

Украинские политики и интеллектуалы, считая национальный язык «душой украинского народа», категорически отказывались наделять подобным сакральным статусом другие языки, особенно русский. Для них он не родной язык русских — граждан их страны, а исключительно политическое средство русификации Украины, вторжения в «украинское информационное пространство», привнесения в украинскую национальную культуру «низкопробной русской эрзац-культуры» и т.д. Как писал в начале нового века академик Академии высшей школы Украины В. Лызанчук, «московские ассимиляторы хорошо усвоили постулат: “Чей язык, того и власть, и того суд”. Для реализации своих целей они прибегают к морально-психологическому шантажу, новому идеологическому террору, разжиганию национальной вражды, чтобы взять политический реванш, закрепить российское этнокультурное господство в Украине и сохранить прежние привилегии» [В Завжди пам'ятай 2001: 669]. Только в этом контексте стали возможны публичные оценки русского языка как «языка попсы и блатняка», «собачьего языка» в противовес украинской «нежной соловьиной мове», а деятелей искусства, разговаривающих на нем, как «лакеев России». Характерно, что эти оценки давали один из ведущих писателей Украины Юрий Андрухович и министр культуры и туризма Украины (2007–2010) Василий Вовкун.

Очевидно, что «украинский язык становится важным маркером национальной идентичности именно из-за своей близости к русскому, из-за распространенности русского в Украине — он играет роль символической границы, призванной отграничить украинское «Я» от российского «Другого»»¹, — отмечает украинский исследователь Светлана Щербак. Трагедия, однако, состоит в том, что, используя в качестве «Другого» Россию, украинские модели национальной идентичности исключают также русский язык и русскую культуру. Таким образом, почти половина населения страны оказывается «Другим» — не просто иным, а именно «Другим» как полюсом символической (тотальной. — В.А.) оппозиции. Эссенциализирующие истории об «украинской Украине» предполагают исключение из состава нации всех русскоязычных, поскольку они не подпадают под (принятые примордиалистские. — В.А.) критерии этнической идентичности» [Щербак 2013: 235]. Отмечено это до начала вооруженного противостояния на Юго-Востоке Украины, когда русскоязычные граждане Украины в дискурсе майданных революций превратились в «ватников», «колорадов», «коммуно-олигархическую банду», а затем в предателей и смертельных врагов «щирых украинцев» — агентов влияния и орудие враждебного иностранного государства. Таким образом, можно утверждать, что условия и идейное обоснование, необходимые для начала «антитеррористической операции» против населения Юго-Востока Украины, были созданы задолго до того, как эта операция началась.

Для интеллектуалов Украины характерно навязчивое утверждение своей страны как европейской, но «попавшей в колониальную зависимость от московской метрополии. Соответственно миссия национал-демократических сил виделась как освобождение Украины от колониального пленения и возвращения ее в лоно европейской цивилизации»

¹ «[С] точки зрения этимологии, синтаксиса и произношения, разница между хорватским и сербским языками или между русским и украинским пренебрежимо мала по сравнению с разницей между финским и шведским или венгерским и румынским. Тем не менее от этого хорватский или украинский языки не перестают быть маркерами национальной идентичности. (Однако, кажется, что создатели наций чувствуют определенную неуверенность из-за этой близости: продолжающиеся попытки стандартизации письменного хорватского и украинского языков в общем предполагают предпочтение тех вариантов словаря и синтаксиса, которые воспринимаются как более удаленные от сербского и соответственно русского языка.)» [Нойманн 2004: 32].

[Финько 2013: 338]. Так, Тарас Кузио прямо называет Украину «постсоветским колониальным пространством», на котором стремление к национальному самоопределению неизбежно противоречит всем попыткам России вернуть себе ключевую роль в регионе [Kuzio 2002]. И поскольку отношения с Россией описываются интеллектуалами и политиками как колониальные, постольку постколониальное Украинское государства обречено на постоянную борьбу с ней. Ведь именно «тоталитарная Россия» препятствует свободному самоопределению и вхождению Украины в «объединенную демократическую Европу». Причем «вхождение в свободную Европу» становится своеобразным мифополитическим обрядом перехода, благодаря которому «его субъект утрачивает прежнюю, негативную (имперско-советскую), идентичность и приобретает новую, позитивную (национальную), превращаясь, как воображается, в равноправного и давно ожидаемого жильца “европейского дома”. В этой условной схеме “Европа” и “Запад” являются не географическими, а идеологическими топосами с ясно читаемым ценностным содержанием» [Березняков 2015: 183].

В то же время именно на полном неприятии российской альтернативы сблизилась позиции украинских либералов и радикальных националистов. «Именно это парадоксальное единство сделало Евромайдан глубоко противоречивым, оттолкнуло от себя многих русскоговорящих граждан Украины и в конечном счете предопределило превращение мирного протеста в вооруженный мятеж» [Байша 2021: 33].

В результате логика современных украинских либеральных интеллектуалов совпала с логикой украинских радикальных националистов 1920–1930-х годов, проект «националистической революции» которых также был ориентирован на Европу (правда, это была нацистская Германия, а не либеральный Евросоюз, как сегодня) и определял в качестве основного врага русских и Светский Союз. Да и цитировать теперь они предпочитают не умеренного украинского националиста XIX в. Михайло Драгоманова или реконструктора украинской национальной истории Михайло Грушевского, а радикальных этнонационалистов начала XX в. Дмитро Донцова, который призывал «укреплять волю нации: к жизни, к власти, к экспансии!», Степана Бандеру или Миколу Михневского, который, в частности, писал еще в начале XX в.: «Украинская нация должна сбросить господство чужаков, потому что оно отвратительно для самой души нации. Должна добыть себе свободу, даже если зашатается вся Россия! Должна добыть себе освобождение от рабства

национального и политического, даже если прольются реки крови!» (цит. по: [Жеребкина, Жеребкин 2019: 42]).

Именно подобного рода идеи в течение более 30 лет внушались украинским школьникам. Российские исследователи Л. Моисеенкова и П. Марциновский проанализировали около 20 учебников по истории Украины, издававшиеся в 1995–2002 гг. По их мнению, «взаимоотношения Украины и России в них представлены как перманентное противостояние <...> Украинцы на протяжении всей своей истории — борцы за независимость. Главная цель, которую ставят перед собой авторы учебников, — это преодоление в сознании учащихся представления об истории Украины как части российской истории» (цит. по: [Медведев 2006]) и утверждение представления о том, что «Украина — це Европа!»

При этом фактическая экономическая и институциональная близость к России, фактическая общность жизненного мира (культуры, быта, ценностных ориентаций) вступают в противоречие с ориентацией интеллектуальной и политической элиты страны исключительно на «европейские ценности». Отсюда уже отмеченное навязчивое стремление провести границу между украинским «Я» и российским «Другим», регулярно звучащие заявления украинских интеллектуалов: «Мы — великая европейская нация, а чтобы все другие европейцы приняли нас в таком статусе, нам следует все радикально реформировать в соответствии с мудрыми советами МВФ, ЕБРР и Совета Европы, а кто с этим не согласен, тот мизерный азиат, или еще хуже — совок» [Гриценко 1998]. Как отмечают российские исследователи, понятия «свобода» и «Украина как европейская нация» сыграли ведущую роль в политической мобилизации масс и формировании политической субъектности двух майданных революций на Украине начала XXI в. [Жеребкина, Жеребкин 2019: 102].

Однако затем пришло и разочарование. Как с горечью констатировала известный украинский поэт Оксана Забужко, «была революция. Был народ. Были жертвы. Были герои. А остались — только политики с бесстыдно, по-экзгибиционистски вываленными перед нами нечистотами и грязью своей политической кухни. <...> Нация с “отбитой” исторической памятью (нужно отдать должное — ее нам очень долго отбивали!) в который уж раз спускает в канализационную трубу свою историю» [Забужко 2007: 340]. Украину, ощутившую себя на Майдане «европейской нацией», так и не пригласили в Евросоюз и даже не приняли в НАТО.

Однако как в трагических условиях «утра после революции» противостоят «практикам прямого колониального насилия со стороны России и российской агрессии»? По мнению Оксаны Забужко, необходимо: 1) законодательными мерами заставить массы читать классическую украинскую литературу и особенно современных украинских постколониальных авторов; 2) призвать украинских интеллектуалов разоблачать на всех уровнях и любыми доступными средствами суть колониальной политики России; 3) заменить «совковых» политических лидеров Украины на подлинно аристократических. И тогда, возможно, будет преодолен «глубинный <...> хронический “национальный невроз”», и Украина сможет наконец действительно стать государством европейского уровня [Забужко 2007: 342]. Следует отметить, что все это написано еще в 2007 г.

Таким образом, националистический дискурс, много лет продуцируемый либеральными интеллектуальными элитами Украины, ведет к производству и воспроизведению этноцентрических стереотипов и созданию особой этноцентричной черно-белой картины мира. Происходит это в результате маргинализации и шельмования оппонентов, изменения «угла зрения» на те или иные исторические события, затемнения или, наоборот, акцентирования отдельных фактов, внесения изменений в уже существующую языковую картину мира, а также навязывания новых ее вариаций, отвечающих вполне определенным политическим, идеологическим и иным целям. Такая деятельность уже названа «идеологическим производством конфликтов» (В. Малахов). Она вольно или невольно легитимировала тотальное отчуждение от России и межэтническую вражду, поскольку без внешнего предписания (осуществляемого политиками и интеллектуалами) достичь этой цели было бы невозможно.

В результате вместо позитивной программы формирования национальной идентичности, вместо поиска компромисса в интерпретации сложных и трагических эпизодов совместной истории, признания общей ответственности за них или их совместного «забывания» интеллектуальные элиты Украины, наоборот, делали все для их актуализации и политизации, формируя и концептуализируя негативные мифологемы массового сознания, придавая видимость научной обоснованности несбыточным надеждам, примитивным ксенофобиям и идиосинক্রазиям. Ну а возрожденный и дегуманизированный образ России как «заклятого врага» активно использовался и используется как важный ресурс

внешней и внутренней политики и средство политической консолидации эксклюзивной украинской этнонации.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайдана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.

Березняков Д.В., Козлов С.В. Символическая политика постсоветской Украины: между «советским прошлым» и «европейским будущим»? // Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов / редкол.: Малинова О.Ю. и др. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 171–191.

Дейк ван Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

Жеребкина И., Жеребкин С. Киборг-национализм, или Украинский национализм в эпоху постнационализма. СПб.: Алетейя, 2019. 270 с.

Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 228 с.

Медведев Р.А. История как средство самоидентификации // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 148–158. EDN: UHVOBV.

Нойманн А. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.

Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 282–381.

Щербак С. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 219–236.

В Завжди пам'ятай: Ти — Українець! (Друге доповнене видання). Львів: За вільну Україну, 2001. 252 с.

Вивчарик М. Н. Україна: від етносу до нації. Київ: Вища шк. 2004. 239 с.

Забужко О. Notre Dame D'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. Київ: Факт, 2007. 640 с.

Carpentier N. The Discursive-Misterial Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Partipation. New York: Peter Lang 2017. 472 p.

Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30, no. 2. P. 241–264

Wilson F. *Ukrainian Nationalism in the 1990-s: a Minority Faith*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Xviii+300 p.

Источники

Андрухович Ю. Интервью Бульвару Гордона. 08.09.2015. URL: <https://gordonua.com/news.html> (дата обращения: 10.09.2015).

Гриценко О. Світ, Європа і ми // І. 1998. № 13. URL: <http://www.ji.iviv.ua/n13-new-eur.htm> (дата обращения: 11.12.2000).

CONTRIBUTION OF UKRAINIAN INTELLECTUALS TO THE INFORMATION WAR AGAINST RUSSIA

V. Achkasov

val-achkasov@yandex.ru

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia.

Citation: Achkasov V. Vklad ukrainskikh intellektualov v informatsionnyu voynuprotiv Rossii [Contribution of Ukrainian intellectuals to the information war against Russia]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (2): 172–184. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.7>

Abstract. *The article analyzes the discourse of Ukrainian primarily humanitarian intelligentsia at the beginning of the 21st century. Therefore, the author uses quotations from publications of Ukrainian authors only in the first decade of the new century to demonstrate that intellectual activity in the production and reproduction of ethnocentric stereotypes and the creation of a special “ethnocentric” “black and white” picture of the world and the formation of the image of the enemy has been systematically carried out in Ukraine for at least thirty years. Such activity can be described as “ideological production of conflicts”, since it legitimized total alienation from Russia and provoked inter-ethnic hostility within Ukraine. Without an external prescription (implemented by Ukrainian politicians and intellectuals), it would have been impossible to achieve these goals.*

Keywords: *intellectuals, Ukraine, nationalist discourse, conflicts, identity politics, enemy image.*

References

Assman A. *Dlinnaya ten” proshlogo: Memorial”naya kul”tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: New Literary Review, 2014. 328 p. (In Russian)

Baisha O. *Diskursivnyy razlom sotsial'nogo polya: Uroki Yevromaydana* [Discursive Fracture of the Social Field: Lessons from Euromaidan]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2021. 184 p. (In Russian)

Bereznyakov D.V., Kozlov S.V. Simvolicheskaya politika postsovetskoj Ukrainy: mezhdru «sovetskim proshlym» i «yevropeyskim budushchim»? [Symbolic politics of post-Soviet Ukraine: between the “Soviet past” and the “European future”?]. *Simvolicheskaya politika. Vyp. 3: Politicheskiye funktsii mifov* [Symbolic policy. Issue 3: Political functions of myths]. Ed. by O.Yu. Malinova et al. Moscow: INION RAN, 2015. P. 171–191. (In Russian)

Carpentier N. *The Discursive-Mistrial Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Partipation*. New York: Peter Lang 2017, 472 p.

Dijk van T. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2013. 344 p. (In Russian)

Finko A. Mul'tikul'turalizm i yego opponenty: pravyye sily v politicheskoy sisteme Ukrainy [Multiculturalism and its opponents: right-wing forces in the political system of Ukraine]. In: *Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noy politiki* [Crisis of multiculturalism and problems of national policy]. Ed. by M.B. Pogrebinsky and A.K. Tolpygo. Moscow: Ves' Mir Publ., 2013. P. 282–381. (In Russian)

Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space, *Nationalities Papers*, 2002, 30 (2), pp. 241–264.

Malakhov V.S. *Kul'turnyye razlichiya i politicheskiye granitsy v epokhu global'nykh migratsiy* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migrations]. Moscow: New Literary Review, 2014. 228 p. (In Russian)

Medvedev R.A. Istoriya kak sredstvo samoidentifikatsii [History as a Means of Self-Identification], *Russia in Global Affairs*, 2006, 4, pp. 148–158. EDN: UHVOBV. (In Russian)

Neumann A. *Ispol'zovaniye «drugogo». Obrazy Vostoka v formirovaniy yevropeyskoy identichnosti* [The use of the “other”. Images of the East in the formation of European identity]. Moscow: New publishing house, 2004. 336 p. (In Russian)

Shcherbak S. Natsionalizm i problema sotsial'noy integratsii v Ukraine [Nationalism and the problem of social integration in Ukraine]. In: *Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noy politiki* [Crisis of multiculturalism and problems of national policy]. Ed. by M.B. Pogrebinsky and A.K. Tolpygo. Moscow: Ves' Mir Publ., 2013. P. 219–236. (In Russian)

Smith E. *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskiy obzor sovremennykh teoryi natsiy i natsionalizma* [Nationalism and modernism. A critical review of modern theories of nations and nationalism]. Moscow: Praxis, 2004. 464 p. (In Russian)

V Zavzhdy pam'yatay: Ty — Ukrainets'! (*Druhe dopovnene vydannya*) [Always remember: You are Ukrainian! (Second amended edition)]. L'viv: Za vil'nu Ukraïnu [Lviv: For a free Ukraine], 2001. 252 p. (In Ukrainian)

Vyvycharyk M. N. *Ukrayina: vid etnosu do natsiyi* [Ukraine: from ethnos to nation]. Kyiv: Vyshcha shk [Kyiv: Higher school], 2004. 239 p. (In Ukrainian)

Wilson F. *Ukrainian Nationalism in the 1990-s: a Minority Faith*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. xviii+300 p.

Zabuzhko O. *Notre Dame D'Ukraine: Ukrainka v konflikti mifolohiy* [Notre Dame D'Ukraine: Ukrainian woman in the conflict of mythologies]. Kyiv: Fakt, 2007. 640 p. (In Ukrainian)

Zherebkina I., Zherebkin S. *Kiborg-natsionalizm ili ukrainskiy natsionalizm v epokhu postnatsionalizma* [Cyborg-nationalism or Ukrainian nationalism in the era of post-nationalism]. St. Petersburg: Aletyya Publ., 2019. 270 p. (In Russian)